

Кудашев Х. И.
75 лет со дня рождения

12/11 88.

Советская Башкирия
г. Уфа

12 ИЮН 1988

СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ

У истоков большого искусства

В этом году народному артисту РСФСР актеру Башкирского академического театра драмы Хусайну Ильдархановичу Кудашеву исполнилось бы семьдесят пять...

Это было чуть больше двух лет назад. Я случайно встретил его на улице, и мы разговорились. До того близко знакомы не были, но при встрече всегда приветствовали друг друга.

Я сказал, что хочу поближе узнать его творчество и попробовать написать о нем.

Он удивленно вскинул свои мощные с проседью брови, с минуту стоял в раздумье. Потом, улыбувшись, ответил: — Ну, что ж! Давайте попробуем.

— С чего начнем? — спросил он меня через несколько дней, когда мы встретились. — Расскажите о себе, своих родителях. О том, как вы стали актером...

Надо сказать, рассказчик он был великолепный. Долго останутся в моей памяти его голос, жесты, мимика...

— Отец мой, — начал издали Хусайн Ильдарханович, — демобилизовавшись из царской армии в 1907 году, вернулся домой в Буздяк. Надо было как-то устроиться. Семья была бедняцкая, земли — кот наплакал. Стал он думать, как из нужды выбиться. Бывало, хотя и еще довольно молодого парня приняли ямщиком на почту.

Знаете, мне так и кажется, что это про моего отца была сложена русская народная песня: «Когда я на почте служил ямщиком». И в зной, и в стужу возил он на лошадях почту из Буздяка в Уфу и обратно. Это сейчас 100 верст на машине часа за полчаса одолеть можно, а тогда — на лошадей, да по плохой дороге это был не близкий путь. Так пять лет и мотался он туда и обратно, как челнок. И богатства никаких за это время, конечно, не нажил...

Хусайн Ильдарханович сделал небольшую паузу, потом лукаво улыбувшись, продолжил:

— В короткие минуты отды-

ха заметил он на соседней улице красивую голубоглазую девушку по имени Фатыма. И она тоже нет-нет, да и взглянет на него из-под своего платка.

Долго не решался Ильдархан подойти и заговорить с ней. Только много ли надо любящим молодым сердцам? И так все было давно глазами сказано.

Но знал он, что за него, бедняка, не отдадут родители Фатыму. Что делать?..

Надо было видеть, с каким неподдельным чувством он все это излагал.

— Как-то уловив минутку, шепнул Ильдархан своей красавице, чтобы рано утром вышла она за околицу. До рассвета, собрав кое-какие вещи, запряг он пару почтовых лошадей, доехал до края села, посадил свою любимую. Взвился над спинами лошадей ременный кнут и... Айда! Пошел!

Хусайн Ильдарханович встал со стула, словно с облупленной почтовой повозки. И будто не отец, а он с драгоценным кладом вырвался из Буздяка и во весь дух помчался по направлению к Уфе.

— Повозка летела, как на крыльях. Будто и впрямь кто-то хотел догнать их. Так и добрались они до города. Ильдархан пристроил Фатыму на квартиру к знакомому старику, забрал почту и вернулся в Буздяк. А в селе шум, Фатыма пропала. Только через полгода привез он ее в село, когда она уже ждала ребенка. А вскоре у них сын родился, и назвали они его Хусайном. Так в тысяча девятьсот тринадцатом году я появился на свет. Немного пожили мы в Буздяке. Потом переехали в Уфу. Отец устроился на почту. Так до конца своих дней он там и работал.

— А что было дальше? О чем вы мечтали в детстве?

— Детство мое было трудное, — сказал Хусайн Ильд-

ханович, — и я не хотел бы, чтобы вы написали, что я только и делал, что мечтал о театре. Нет. Тысячу раз нет! Вся моя сознательная жизнь прошла в Уфе. Детство — на ее рабочей окраине. Семья была бедной, окружали меня дети рабочих, такие же, как и я. В то время театр был для меня так же недостижим, как звезды на небе. Был моим идеалом сосед, который работал помощником машиниста. Как я завидовал ему! Вот он идет на работу. Водной руке несет железнодорожный фонарь, в другой — небольшой деревянный сундучок с едой. Бушлат и штаны у соседа так блестяли от мазута, что совершенно невозможно было определить — из какого они материала.

Когда я подрос, он отвел меня в ФЗУ, где я стал познавать токарное и слесарное дело, изучал паровоз. Готовился стать помощником машиниста.

Учеба мне давалась довольно легко. По всем предметам имел только отличные отметки. Когда меня вызывали к доске, ребята в классе заранее начинали улыбаться. Дело в том, что, отвечая урок, я говорил всегда громко, с пафосом. Ставя оценку, учителя обычно шутили:

— Ну, Хусайн, быть тебе артистом.

И ребята меня стали с их легкой руки «артистом» звать. В это время обком комсомола организовал в Уфе самодеятельный башкирский театр рабочей молодежи, и наша комсомольская ячейка меня туда направила.

Стала моя жизнь раздвигаться. Сажу на занятия, а сам о нашем театре думаю, роль свою про себя повторяю. А вечером после репетиции или спектакля домой бегу и с радостью думаю, что завтра утром снова пойду на занятия в ФЗУ. Так и жил до окончания учебы...

— Хусайн Ильдарханович! — спрашиваю его, — а вы не помните: какие первые роли исполняли в этом самодеятельном рабочем театре?

— Как же не помню, — живо

отреагировал он. — Это ведь на всю жизнь. Ну — весельчак Яшка из комедии В. Шкваркина «Чужой ребенок», демобилизованный красноармеец Хайретдин из драмы татарского писателя Ф. Бурнаша «Молодые сердца»...

Между тем, закончил я ФЗУ, получил свидетельство и направление на работу помощником машиниста паровоза. Вы не представляете, какая это была для меня радость.

И вот первый рабочий день... Я выхожу из дома, в руках у меня фонарь и сундучок с едой, подаренный соседом. Грудь распирает от гордости: я — помощник машиниста, иду на работу. Так началась моя трудовая биография.

Он замолчал, и казалось, наша беседа подошла к концу.

— И сколько же вы поработали? — спрашиваю я.

Хусайн-агай вроде и не слышал моего вопроса, с увлечением продолжал рассказывать.

— Мой первый самостоятельный рейс! «Уфа—Кропачево» было записано в маршрутном листке. Больше полвека прошло с той первой поездки, а мне кажется, я и сегодня могу во всех подробностях рассказать об этой дороге: где спуск, где какой поворот, подъем. Всю поездку я смотрел и запоминал дорогу. Душа пела от радости. А как же! Такая машина подчиняется мне...

Я осторожно повторил вопрос.

— К сожалению, — ответил он, — а может быть, к счастью, этим незабываемым первым рейсом и закончилась моя железнодорожная карьера. Не успел перешагнуть порог своего дома, как за мной приехали из рабочего театра.

— Собирайся быстрее, сегодня на просмотре спектакля будет сам Макарий Магадеев — главный режиссер из башкирской драмы.

Прошел спектакль, и Магадеев забрал меня к себе в профессиональный театр... Театр захватил меня полностью. Я старался изо всех сил. Было радостно сознавать, что вок-

руг тебя такие популярные актеры. И я стал подражать им. Но, видимо, настолько увлекся, что однажды Макарий-абый подошел ко мне, положил руку на плечо и мягко, стараясь не обидеть, сказал:

— Хусайн, в искусстве ты должен найти свою дорогу. Только при этом условии ты сможешь чего-то достичь в нашем ремесле. Вглядывайся в жизнь, в людей, которые тебя окружают. Наблюдай, как они ходят, разговаривают. Набирайся жизненного опыта. Я верю в тебя, Хусайн!

Потом была учеба в Москве, но это — особый разговор.

Так начался мой путь в театре. Длинная тернистая дорога с успехами и неудачами. Но никогда за полвека творческой работы я не жалел, что стал актером. Отдавшись искусству, я испытал ни с чем не

сравнимое счастье — дарить людям радость...

Впереди у него будет целая жизнь: признание, слава, сотни сыгранных ролей, почетные звания и награды. Но все это — потом. А тогда — было только начало пути.

Мне посчастливилось еще несколько раз встретиться с Хусайном Ильдархановичем, бывать на спектаклях с его участием. Мы много и долго беседовали о жизни, о театре и его проблемах. И каждый раз, прощаясь с ним, я ждал новых встреч.

М. МИНЕЕВ.

На снимке: Х. Кудашев в роли Зевса в спектакле «Не бросай огонь, Прометей!» Мустая Карима.